

Веніаминъ Парадіевъ.

Философъ Эпикуръ

и его

проблема освобожденія людей отъ боговъ.

*(Публичная лекція, прочитанная въ Казанскомъ Об-
ществѣ Народныхъ Университетовъ).*



Цѣна 25 коп.

КАЗАНЬ.

Типо-литогр. М. А. Семенова, (быв. Перова).

1911.

Веніаминъ Парадіевъ.

Философъ Эпикуръ

и его

проблема освобожденія людей отъ боговъ.

(Публичная лекція, прочитанная въ Казанскомъ Обществѣ Народныхъ Университетовъ).



КАЗАНЬ.

Типо-литогр. М. А. Семенова, (быв. Перова).

1 9 1 1.

Цѣна 25 коп.

Философъ Эпикуръ

И ЕГО

проблема освобожденія людей отъ боровъ.

Есть историческія личности, о которыхъ принято писать и говорить съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія. Ихъ память ничѣмъ не запятнана и потомство почтительно произноситъ ихъ имена. Вокругъ ихъ имени не ломаются діалектическія копья, потому что все въ ихъ прошломъ ясно, опредѣленно, кристально-чисто. Эпикуръ не принадлежитъ къ такимъ лицамъ. О немъ существуютъ діаметрально противоположныя мнѣнія: одни называютъ его свиньей, барахтающейся въ грязи, другіе преклоняются передъ нимъ, какъ передъ божествомъ. Мы не выскажемъ здѣсь ни апологіи Эпикуру, и не произнесемъ также слова осужденія. Наша задача указать, что въ словѣ эпикуреецъ, ставшемъ синонимомъ развратника, есть много *человѣческаго*. А человѣческое складывается, какъ изъ добраго, такъ и изъ злого начала. Поэтому, говоря объ Эпикурѣ, я не буду ни прикрашивать его, ни развѣнчивать. Дать образъ человѣка—это моя задача.

Въ бѣдной семьѣ аѣинскаго гражданина, въ одномъ селеніи, находящемся недалеко отъ Аѣинъ, въ 342 году до Р. Х. родился сынъ по имени Эпикуръ. Въ скоромъ времени обстоятельства заставили отца покинуть метрополию и переселиться въ качествѣ колониста на островъ Самось. Здѣсь проходитъ трудовая отроческая жизнь нашего будущаго философа: отецъ учительствуетъ, мать зарабатываетъ хлѣбъ аку-

шерствомъ, а мальчикъ ходитъ съ нею въ качествѣ помощника, читая очистительныя заклинанія во время ея операций. Здѣсь же проходило и первое школьное образованіе мальчика у малосвѣдущихъ учителей, немогущихъ даже объяснить, что такое хаосъ у Гезіода. Тяжелая семейная обстановка, вліяніе развратниковъ старшихъ братьевъ, занимавшихся сводничествомъ, наконецъ, невѣжественные учителя,— все это могло приучить мальчика къ праздности, разврату и невѣжеству. Высшее образованіе, которое греческіе юноши получали въ Аѣинахъ, было у Эпикура несистематично. Неспособный къ тяжелому усидчивому труду, къ постоянному приобрѣтенію знаній, онъ бросалъ одного философа, чтобы перейти къ другому, приобрѣталъ только отрывки знаній. Не умѣя оцѣнить заслуги предшествующихъ ему философовъ, онъ огульно всѣхъ ихъ порицалъ и доходилъ даже до того, что давалъ имъ мальчишескія клички. Такъ, послѣдователей Платона онъ называлъ подлипалами Діонисія, а самаго Платона—золотой монетой; Аристотеля—расточителемъ, который, слопавши отцовское имущество, сталъ служить на войнѣ и приготавливать шарлатанскіе медикаменты; Протагора обзывалъ носильщикомъ и писаремъ Демокрита, обучающимъ въ деревняхъ грамотѣ и т. д. Отталкивающей чертой въ личности Эпикура является его отношеніе къ наукѣ и искусству. Самъ онъ былъ дѣйствительно невѣжей въ астрономіи, геометріи и другихъ наукахъ, и своихъ учениковъ старался отвлечь отъ занятія ею. Вслѣдствіе его увѣщаній одинъ изъ близкихъ его учениковъ, хорошій ораторъ Гермархъ, прекратилъ занятія краснорѣчіемъ, а другого ученика Полиэна отвлечъ отъ занятій математикой. Онъ не требовалъ никакого образовательнаго ценза отъ своихъ учениковъ, да въ этомъ не было нужды, такъ какъ, по словамъ Цицерона, все ученіе Эпикура можно усвоить играючи. Тотъ же самый Цицеронъ говоритъ, что послѣдователи Эпикура разсуждаютъ, что тому, кто намѣревается стать философомъ, нѣтъ никакой надобности въ научныхъ знаніяхъ. На этомъ

основаніи, продолжаетъ Цицеронъ, какъ наши предки извѣстнаго Цинцината оторвали отъ плуга для того, чтобы вознести его въ достоинство диктатора, такъ и Эпикуръ изъ всѣхъ деревень вербуетъ себѣ, правда, добродушныхъ людей, но завѣдомо очень непросвѣщенныхъ. Характерны слѣдующія слова, которыя вкладываетъ Цицеронъ въ своемъ произведеніи „О высшемъ благѣ и крайнемъ злѣ“ въ уста эпикурейца Триарія. „Неужели Эпикуръ сталъ бы тратить время на чтеніе поэтовъ. Вѣдь они не доставляютъ никакой основательной пользы и это удовольствіе дѣтское. Или сталъ ли бы онъ, какъ Платонъ, губить свой талантъ въ занятіяхъ музыкой, геометріей, наукой о числахъ, астрономіей. Всѣ эти знанія, какъ вышедшія изъ ложныхъ основаній, не могутъ быть истинными; да если бы и были таковыми, то нисколько не способствовали бы къ болѣе пріятной, т. е. лучшей жизни“. Послѣ долгаго скитанія въ роли организатора школъ въ Мителенѣ, Лампсакѣ и другихъ мѣстностяхъ, Эпикуръ на 32 году жизни открываетъ собственную школу въ одномъ аѳинскомъ саду, купленномъ имъ за 80 минъ. По выраженію его восторженнаго біографа Діогена Лаэртія, у Эпикура было столько друзей, что ихъ нельзя умѣстить въ цѣломъ городѣ. Нельзя думать, чтобы Эпикуръ могъ набирать въ свою школу такое громадное количество учениковъ, дѣйствительно раздѣляющихъ его воззрѣнія. Притомъ же, для эпикурейца слово „другъ“ имѣло такое же растяжимое значеніе, какъ въ наше время „товарищъ“. Тѣмъ не менѣе въ успѣшность его пропаганды можно вѣрить. Умственное и политическое состояніе Греціи способствовало распространенію эпикурейскаго ученія. Еще въ XVIII вѣкѣ одинъ изъ изслѣдователей эпикурейской философіи Баттэ высказалъ дѣльную мысль, что умственное переутомленіе и неудовлетвореніе запросамъ толпы, наблюдаемое въ предшествующихъ философскихъ системахъ, заставило народную массу съ радостью встрѣтить легко усвояемую и многообѣщающую „философію сада“, такъ называлась эпикурейская философія.

Въ самомъ дѣлѣ, могъ ли великій Платонъ быть понятимъ невѣжественной толпой. когда онъ разсуждалъ о совершенствахъ Существа Всевышняго, о безсмертіи, о прелести и наградѣ добродѣтели. Глубокомысленный языкъ Платона, обиліе символовъ, высокое пареніе его духа, сильныя чувства, переживаемыя имъ, вѣчное безпокойство пытливой души доставляли много труда, но мало пищи толпѣ, ищущей простыхъ, не выходящихъ изъ предѣловъ ея пониманія, истинъ.

Свѣтлый, глубокомысленный, геніальный Аристотель, разсуждавшій также о высокихъ предметахъ, еще менѣе могъ удовлетворять запросамъ толпы. Его ученіе съ весьма тонкими подраздѣленіями съ великимъ трудомъ усваивалось обыкновеннымъ умомъ. Точность сообщаемыхъ имъ знаній могъ постигнуть только дисциплинированный умъ. Циническая школа также превышала понятія большей части слушателей и слишкомъ многого требовала отъ нихъ. Кромѣ того, легковѣрный и требующей веселья толпѣ врядъ-ли могъ нравиться суровый фатализмъ циниковъ.

На первый взглядъ киренейская школа какъ—будто удовлетворяла чувственнымъ стремленіямъ толпы. Но подъ понятіемъ *удовольствіе* Аристиппъ заключилъ безграничную свободу человѣческаго духа, принципы крайнаго индивидуализма, чуждые вообще толпѣ.

Сверхъ того, въ школѣ Аристиппа въ скоромъ времени стало наблюдаться пессимистическое настроеніе, обоснованное ученикомъ Аристиппа Гегезіемъ, прозваннымъ ораторомъ смерти. Разумѣется, отъ такой философіи, гдѣ слушателей призывали къ самоубійству, многіе бѣжали.

Наоборотъ, ученіе Эпикура какъ-будто было расчитано на толпу, на ея вкусы и стремленія,

На вратахъ эпикурейскаго сада висѣла широко-вѣщательная, заманчивая надпись: „Странникъ, здѣсь тебѣ будетъ хорошо, здѣсь высшее благо—удовольствіе“.

Съ этимъ призывомъ къ удовольствію слушатель входилъ въ образцово-содержимый садъ, гдѣ подѣтѣнную деревьевъ, у журчащаго ручейка слушалъ нехитрую, чуждую всякихъ діалектическихъ тонкостей, рѣчь философа.

И языкъ Эпикура былъ простой, вульгарный, не признававшій никакихъ риторическихъ украшеній. Преподаваніе въ школѣ шло догматически съ вызубриваніемъ наизусть основныхъ положеній философіи Эпикура. Затрагиваемые вопросы разбирались поверхностно. По вѣрному замѣчанію Целлера, никакая другая школа не заботилась такъ мало объ болѣе глубокомъ обоснованіи своего ученія, какъ эпикурейская. Всѣ эти данныя дѣйствительно могли сдѣлать школу Эпикура понятною для толпы.

Кромѣ того, въ соціальной жизни Греціи были условія, способствовавшія распространенію доктрины Эпикура. Послѣ продолжительныхъ войнъ и внутреннихъ государственныхъ неурядицъ греки жаждали мира, способствовавшего ихъ благосостоянію. Военные инстинкты смѣнились семейными заботами. Разумѣется, при такомъ настроеніи эпикурейская философія могла нравиться. Она какъ разъ поучала, чтобы гражданинъ не принималъ участія въ общественной жизни, такъ какъ послѣдняя доставляетъ массу безпокойствъ, она выставляла лозунгъ *ἀπὸ βίωσας* (удаляйся отъ жизни) и, по выраженію одного ученика Эпикура, плевала, еле удерживаясь отъ смѣха, на скучныхъ Солоновъ, Ликурговъ и имъ подобныхъ.

Такимъ образомъ, принимая во вниманіе всѣ эти данныя, пожалуй можно видѣть долю правды въ утвержденіи Діогена Лаэртія, что учениковъ его нельзя вмѣстить въ цѣломъ городѣ. Извѣстно даже, что у него были ученики не только въ Греціи, но и изъ Африки, напримѣръ Птоломей, прозванный чернымъ. Также его школу посѣщали и женщины.

Однимъ изъ самыхъ главныхъ и самыхъ любимыхъ учениковъ Эпикура нужно считать Метродора, alter ego своего учителя, который къ великой го-

рести самого Эпикура умеръ на 7 лѣтъ ранѣе послѣдняго, на пятьдесятъ третьемъ году жизни. Примѣромъ его изумительной привязанности къ Эпикуру служить то, что онъ, познакомившись съ нимъ, ни разу не отлучался отъ него, кромѣ одного шестимѣсячнаго путешествія домой. Его отличительное качество — смѣлость противъ всякихъ опасностей и смерти, — такъ его характеризуетъ самъ Эпикуръ въ первомъ письмѣ къ Метродору.

Какъ послѣдовательный эпикуреецъ, онъ и сестру свою Батиду выдалъ замужъ за эпикурейца Идоменея и всѣми силами старался способствовать распространенію эпикурейскаго ученія. Ему принадлежитъ, напримѣръ, слѣдующее прекрасное изреченіе: „Я предупредилъ тебя сила случайности и всѣ твои тайные подходы я заперъ. И не сдамся я ни тебѣ, ни другому обстоянію. Но когда явится нужда выйти вонъ изъ жизни, то, смѣло плюнувъ на нее и на всѣхъ, кто въ пустотѣ своихъ представленій скованы ею, выйдемъ мы изъ жизни съ прекраснымъ пѣаномъ (пѣсней) на устахъ и возгласимъ: хорошо мы прожили!“ Тѣсная тружба между Эпикуромъ и Метродоромъ высказалась въ томъ, что Эпикуръ послѣ смерти своего друга воспиталъ его дѣтей и завѣщалъ на воспитаніе и приданное часть своихъ доходовъ.

Другимъ виднымъ эпикурейцемъ нужно считать Колота, подробности о взглядахъ котораго намъ болѣе всего даетъ Плутархъ въ своемъ сочиненіи „Противъ Колота“. Колоть представляетъ изъ себя типъ живого и остроумнаго эпикурейца полемиста, не всегда глубокаго въ философскихъ познаніяхъ, но зато умѣло и ѣдко высмѣивающаго слабыя стороны противника. Его полемическій задоръ и рѣзкія выходки получали санкцію, вѣроятно отъ самого основателя школы, который, какъ мы видѣли выше, не стѣснялся въ выраженіяхъ при характеристикѣ предшественниковъ и современныхъ ему философовъ. Что полемика его дѣйствительно была остроумна, можно подтвердить его опроверженіемъ сократовскаго по-

ложенія: „я знаю только то, что я ничего не знаю“. „Почему-же, спрашиваетъ Колотъ, онъ не ѣстъ сѣна вмѣсто хлѣба и ѣду вводитъ не черезъ ухо, а черезъ ротъ, почему онъ не проходитъ черезъ глубокія рѣки, но переплываетъ ихъ на лодкахъ, почему онъ платѣ не надѣваетъ на статую, а на свое тѣло, почему онъ избѣгаетъ змѣй и волковъ“. Кромѣ этихъ двухъ учениковъ, нужно упомянуть о Гермархѣ, человѣкѣ бѣднаго происхожденія, занимавшемся сначала краснорѣчіемъ, но потомъ забросившемъ его послѣ знакомства съ эпикуровскимъ ученіемъ. Онъ пользовался безусловнымъ довѣріемъ Эпикура и управлялъ школой послѣ его смерти. Умеръ онъ отъ чахотки, достигнувъ впрочемъ уже значительной извѣстности. Среди посѣтителей школы находились не только гетеры, но даже и замужнія женщины покидали свои гинекеи для занятій эпикурейской философіей. Въ числѣ такихъ женщинъ извѣстна Темиста. Разумѣется, все громадное число его послѣдователей нѣтъ смысла перечислять, такъ какъ о многихъ извѣстны одни только имена. Что-же касается послѣдующихъ учениковъ, то изъ нихъ самымъ извѣстнымъ былъ Титъ Лукрецій Каръ.

Въ литературномъ отношеніи Эпикуръ былъ изумительно плодovitъ. Имъ написано въ теченіе своей жизни до трехсотъ сочиненій. Почти всѣ его работы отличаются спѣшностью, неотдѣланностью стиля, компилятивностью. Къ Эпикуру по справедливости можно примѣнить прозвище „книжный паразитъ“, которое обыкновенно присвоется другому философу Хризиппу, написавшему 700 сочиненій. Въ наше время отъ работъ Эпикура сохранились только жалкія крупицы: большинство утеряно, значительная часть извѣстна по заглавіямъ и только 3 письма да сборникъ изреченій Эпикура сохранились отъ работъ философа. Кромѣ того и часть оставшагося подвергается сильному и справедливому сомнѣнію въ подлинности. Авторъ извѣстнаго сборника Ерісигеа Узенеръ предполагаетъ, что второе письмо Эпикура не принадлежитъ самому философу.

Эпикуръ обладалъ изумительною способностью составлять изъ отдѣльныхъ мыслей различныхъ философовъ нѣчто законченное цѣлое. Почти всѣ его работы есть результатъ заимствованій изъ другихъ философовъ. Компилятивною его работъ и объясняется его плодovitость. При этомъ онъ не стыдился признаваться лично въ литературномъ воровствѣ. Когда философъ Навзифанъ, учитель Эпикура, пытался защитить свои произведенія отъ заимствованій со стороны Эпикура, то послѣдній приказалъ его вывести вонъ. Пусть Діогенъ Лаэртій, защищая Эпикура, говоритъ намъ, что „Эпикуръ въ своихъ книгахъ не писалъ ничего такого, что свидѣтельствоvalo объ его заимствованияхъ извнѣ“. Этимъ увѣреніямъ современный историкъ философіи не можетъ вѣрить: слишкомъ очевидны заимствования. Болѣе всего Эпикуръ заимствовалъ у Демокрита, Аристиппа и Θεодора безбожника.

О личной жизни Эпикура мы имѣемъ самыя разнорѣчивыя свѣдѣнія. Діогенъ Лаэртій представляетъ его образцомъ нравственности. Онъ говоритъ, что самъ Эпикуръ и эпикурейцы жили на самой дешевой и простой пищѣ. Только въ дни замѣчательныхъ событій, какъ, на примѣръ, въ день рожденія Эпикура устраивалось пиршество. „Они довольствовались малюсенькимъ стаканчикомъ вина“, говоритъ Діогенъ Лаэртій, но большею частью вода служила напиткомъ для нихъ“. По словамъ того-же Діогена Эпикуръ питался водою и хлѣбомъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ обращался къ друзьямъ съ просьбой прислать ему кифридскаго сыра, чтобы роскошнѣе попировать. Къ числу положительныхъ качествъ Діогенъ относитъ его заботы объ отцѣ, братьяхъ, о дѣтяхъ своего любимаго ученика Матродора, о своихъ рабахъ, которыхъ онъ называлъ „друзьями дома“.

Съ другой стороны его нравственный обликъ рисуется самыми черными красками. Его философію называютъ „полуночною“. Говорили, что онъ до такой степени ослабъ отъ развратной жизни, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не могъ подняться со сту-

ла, что будто-бы онъ ежедневно на одну пищу тратилъ одну мину (около двадцати пяти рублей на наши деньги). Упрекали его въ развратѣ чуть-ли не съ пятью гетерами.

Такое разнорѣчіе въ показаніяхъ о нравственныхъ качествахъ Эпикура не должно быть невѣроятнымъ. И въ системѣ его можно найти мѣста, гдѣ высоконравственное ученіе смѣняется грубымъ, чувственнымъ матеріализмомъ. Это объясняется просто. Эпикуръ не былъ цѣльной натурой. Въ немъ тлѣлась искра доброй нравственности, хотя онъ и находился въ тискахъ завладѣвшей имъ развратной жизни. Возможно также, что часть пороковъ, приписываемыхъ Эпикуру, вымыслена стойками, которые иногда занимались распространеніемъ безнравственныхъ произведеній, приписывая ихъ Эпикуру.

Слѣды подобной двойственности мы найдемъ и въ философіи Эпикура. Всѣмъ извѣстна истина, что каковъ философъ, такова и философія.

Сорокъ лѣтъ прожилъ Эпикуръ въ саду въ полной тишинѣ, не выѣзжая почти изъ Аѳинъ, не участвуя ни въ какой общественной дѣятельности и занимаясь трудомъ учителя многочисленной школы. Передъ своею смертію онъ написалъ завѣщаніе, дошедшее до насъ, въ которомъ высказалъ заботу не только о дѣлахъ школы, но не забылъ, казалось, самаго послѣдняго раба. Его предсмертнымъ желаніемъ было, чтобы его ученіе всегда излагалось въ саду.

Эпикуръ умеръ отъ застрявшаго мочевого камня, проболѣвши 14 дней, на семьдесятъ второмъ году своей жизни. Говорятъ, что онъ умиралъ героически. Испытывая сильнѣйшія страданія, онъ писалъ своему ученику Идоменею: „Проводя счастливый и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній день жизни я пишу тебѣ слѣдующее. Я испытывалъ боли пузыря и кишечника, сила которыхъ превзойдена быть не можетъ. Но всему этому противоборствовала радость душевная при воспоминаніи о продуманныхъ нами размышленіяхъ“...

Его почитатели воздвигли ему послѣ смерти мѣдный памятникъ.

Немногочисленные біографическія свѣдѣнія, изложенныя нами, представляютъ изъ себя почти все, что можно сказать о личности Эпикура. Изложеніе самого ученія Эпикура можно раздѣлить на 3 части, какъ это дѣлалъ и самъ разбираемый нами философъ: на канонику, или теорію познанія, физикку и этику. Причемъ этика была тѣмъ Молохомъ, въ жертву которому приносилась и физика, и каноника. Весь философскій интересъ для Эпикура заключался въ этикѣ. Теоретико-познавательные вопросы, составляющіе въ наше время краеугольный камень философіи, для Эпикура были пустымъ времяпровожденіемъ.

Приступая къ изложенію каноники, Эпикуръ прежде всего старается отбросить въ сторону весь ненужный логическій балластъ. Эпикуръ уничтожаетъ логическія опредѣленія, ничего не говоритъ о раздѣленіяхъ и подраздѣленіяхъ, не преподаетъ правилъ, какъ вести и завершать нить умозаключеній, не указываетъ, какимъ способомъ распутывать обманчивые выводы, различать двузнаменательныя выраженія. Пренебрежительный тонъ, который царилъ въ эпикуровской школѣ по отношенію къ различнаго рода діалектическимъ построеніямъ, имѣлъ, по замѣчанію извѣстнаго ученаго Ланге, и свою хорошую сторону, дѣлающую честь его здравому смыслу. Если подумаемъ, какъ большинство греческихъ философовъ старалось блистать парадоксальными утвержденіями и діалектическими уловками, то можно лишь хвалить Эпикура за его скептическое отношеніе къ занятіямъ діалектикой, какъ къ чему то бесполезному и вредному, не содѣйствующему ни болѣе счастливой жизни, ни болѣе правильному мышленію.

Основной вопросъ каноники Эпикура—это отысканія критерія истинности. Вопросъ о критеріи истины—одинъ изъ боевыхъ вопросовъ философіи. Мы не будемъ останавливаться на взглядахъ философовъ относительно этого вопроса. Въ общемъ, можно под-

мѣтитъ два основныхъ теченія: одни критеріемъ истины признають чувство, другіе—разумъ.

Рѣшительнѣе всѣхъ и, пожалуй, обоснованнѣе всѣхъ на сторону чувства, какъ критерія истинности, становится Эпикуръ. Кантъ въ „Критикѣ чистаго разума“ прямо называетъ его самымъ великимъ философомъ чувственности и говоритъ, что онъ въ своей сенсуалистической системѣ былъ гораздо послѣдовательнѣе Аристотеля.

Основнымъ критеріемъ истинности, по мнѣнію Эпикура, является ощущеніе. Чувственное воспріятіе никогда насъ не обманываетъ. Все, что мы воспринимаемъ—правдиво. Съ этой точкѣ зрѣнія даже вымыслы сумасшедшихъ и сновидѣнія также истинны.

Странное утвержденіе Эпикура, что солнце по величинѣ такое, какимъ оно намъ кажется, а можетъ быть и меньше—есть плодъ непоколебимой вѣры Эпикура въ достовѣрность чувственного воспріятія.

Ученіе о достовѣрности нашихъ чувственныхъ воспріятій были слабымъ мѣстомъ въ каноникѣ Эпикура. Но все-таки философъ обладалъ достаточною наблюдательностью, чтобы не замѣтить, что воспріятія не всегда вѣрно передають воспринимаемый предметъ. Особенно часто бываютъ обманы чувства зрѣнія, которое онъ признавалъ самымъ неподходящимъ вспомогательнымъ средствомъ для своей теоріи о неизмѣнности воспріятія. Какимъ образомъ выйти изъ этого положенія, какимъ образомъ оправдать теоретическое требованіе истинности воспріятія, когда факты изъ жизни противорѣчатъ этому. Не могъ же Эпикуръ капризно настаивать на неизмѣнности чувства, т. к. въ такомъ случаѣ отрицались бы всякіе чувственные обманы, о которыхъ намъ опытъ даетъ многочисленные примѣры. „Если всѣ воспріятія, какъ таковыя, правдивы, говоритъ Целлеръ, то непосредственно слѣдуетъ положеніе Протагора, что для каждаго то правдиво, что ему кажется правдивымъ, что поэтому также и противорѣчащія другъ другу представленія объ одномъ и томъ же предметѣ также правдивы“. Враги Эпикура чувство-

вали, что данный пунктъ его ученія—одинъ изъ самыхъ уязвимыхъ, и потому особенно часто дѣлали это мѣсто предметомъ нападокъ. У Секста и Плутарха мы находимъ образцы подобныхъ нападокъ. Особенно часто ссылались на извѣстный каждому изъ насъ случай обманчивости чувствъ: опущенное въ воду весло кажется сломаннымъ. Другой случай: угольная башня издали кажется круглой и т. д.

Понимая справедливость подобныхъ нападокъ, Эпикуръ старается примирить свою теорію съ дѣйствительностью путемъ ученія объ „образахъ“. Это ученіе не принадлежитъ всецѣло Эпикуру и представляетъ изъ себя или переработку ученія Зенона (по Döring'у) или же принятіе физической теоріи воспріятія, данной Эмпедокломъ и Демокритомъ (Zeller и Arnim).

Сущность этой теоріи состоитъ въ слѣдующемъ. Эпикуръ предполагаетъ, что отъ вещей исходятъ невидимыя для нашего глаза истеченія, производящія въ насъ тотъ или другой образъ предмета. При помощи этой теоріи Эпикуръ, отдавая извѣстную дань ненавистной ему діалектикѣ, старается доказать, что вещь сама по себѣ остается всегда неизмѣнной, что если въ различное время одному и тому-же субъекту она представляется въ иномъ видѣ, то изъ этого не слѣдуетъ, что измѣнилась сама вещь, но отъ вещи исходили неодинаковыя истеченія, которыя мы ощущаемъ

Разумѣется; тотъ увѣренный тонъ, который высказанъ въ началѣ относительно непогрѣшимости нашихъ ощущеній, нѣсколько сбавленъ принятіемъ теоріи истеченій, по которой мы воспринимаемъ не самую вещь, а копію ея, такъ называемый образъ (εἰδωλα).

Кромѣ ощущенія критеріемъ истины Эпикуръ признаетъ *пролиписисъ и чувство*.

Весьма неопредѣленные объясненія какъ у самого Эпикура, такъ отчасти невѣрные толкованія Цицерона, сдѣлали понятіе объ эпикуровскомъ пролиписисѣ предметомъ самыхъ разнородныхъ предполо-

женій. Не вдаваясь въ полемику и критику научныхъ взглядовъ, мы будемъ придерживаться главнымъ образомъ буквального толкованія, у котораго Діогеномъ Лаэртціемъ сказано, что пролиписомъ Эпикуръ понималъ воспоминанія о воспринимаемомъ извнѣ. Что-же касается чувства, то оно въ качествѣ критерія истины признается въ двухъ своихъ проявленіяхъ: чувство радости и чувство горя. Да и вообще эпикуровская психологія признавала только два этихъ чувства.

Въ представленномъ здѣсь краткомъ изложеніи каноники Эпикура, едва-ли можно найти что либо оригинальное. Она скромно стоитъ въ сторонѣ и является еле замѣтной, еле слышной прелюдией къ дальнѣйшему развитію ученія. Здѣсь еще настоящая фізіономія Эпикура задернута тонкимъ флеромъ и только изслѣдователь при внимательномъ взглядѣ въ человѣкѣ, признающемъ чувство критеріемъ истинности, можетъ подмѣтить будущаго матеріалиста.

И дѣйствительно Эпикуръ до мозга костей матеріалистъ. Какъ матеріалистъ, онъ, правда, не оригиналенъ. Древніе его уличаютъ въ заимствованій у Левкиппа и Демокрита. Онъ повторяетъ атомистическую теорію послѣднихъ. Но въ одно и то-же время онъ и близокъ, и далекъ отъ нихъ. Близокъ къ нимъ, потому что какъ хорошій школьникъ, почти буквально повторяетъ основныя положенія первыхъ атомистовъ. Далекъ же тѣмъ, что устремляя свою мысль въ область этическихъ положеній, онъ бравироветъ физикой. Она для него или игрушка, или неизбѣжная необходимость. Для первыхъ-же атомистовъ физика была душой всей ихъ системы.

Эпикуръ не задается цѣлью дать основательное и полное объясненіе явленій. Его цѣль другая—освободить людей отъ страха передъ богами, уготовить людямъ возможно большую сумму наслажденій.

Если физику мы и должны знать, то только потому, что она избавляетъ отъ религіозныхъ предразсудковъ. Но при изученіи природы не нужно

обращать вниманіе на мелочи, т. к. такое изученіе только способствуетъ распространенію предразсудковъ.

Нужно познать одно „всеобщее“, — именно, какъ сдѣлать жизнь нашу счастливой. Все-же остальное для него мелочь, относительно которой не нужно добиваться правильнаго мнѣнія. Для философа эпикурейца безразлично, движется-ли міръ, или онъ стоитъ спокойно, имѣетъ-ли онъ круглую, или - же трехугольную форму, свѣтитъ-ли луна своимъ свѣтомъ, или-же чужимъ и т. д.

Такъ-же, какъ и Демокритъ, Эпикуръ учитъ, что міръ произошелъ отъ такъ называемыхъ атомовъ, т. е. недѣлимыхъ вслѣдствіе своей плотности тѣлъ. Въ силу своей тяжести атомы движутся по вертикальной линіи. Но въ дальнѣйшемъ Эпикуръ уже отступаетъ отъ Демокрита. По его мнѣнію міръ-бы никогда не образовался, если-бы всѣ атомы вѣчно двигались по одной и той-же линіи, не соединяясь другъ съ другомъ. Происхожденіе міра тогда только будетъ для насъ ясно, если мы допустимъ, что одинъ какой-либо атомъ уклонился отъ своего прямого направленія въ сторону на самое незначительное разстояніе. Вслѣдствіе этого черезъ сцѣпленіе и соединеніе атомовъ образовался міръ. Міръ существуетъ въ силу случайнаго незначительнаго отклоненія одного атома.

Гипотеза Эпикура о самопроизвольномъ отклоненіи атомовъ продиктована желаніемъ избавить людей отъ необходимости, оправдать существованіе человѣческой свободы. Вообще въ системѣ Эпикура случай выставляется въ качествѣ орудія противъ необходимости. Между міромъ и человѣкомъ, по ученію Эпикура, существуетъ полная гармонія. Если мы будемъ отрицать самопроизвольность въ природѣ, тогда мы сами были-бы не свободны.

Міръ образовался не изъ ничего, потому что изъ ничего и не выйдетъ ничего. Мы должны предположить извѣчное существованіе 1) *атомовъ* и 2) *пустоты*, изъ которыхъ и образовался міръ. Все существующее безпредѣльно, какъ по множеству атомовъ,

такъ и по величинѣ пустого пространства. Если-же одно только пустое пространство было-бы бесконечно, а число атомовъ ограничено, то послѣдніе носились бы по бесконечному пространству, не имѣя подпорки. Точно также, если-бы пустое пространство было ограничено, а атомовъ безпредѣльное множество, то послѣдніе не вмѣстились-бы въ пустомъ пространствѣ. Вселенная не имѣетъ границъ. Отсюда выводъ, который сближаетъ эпикуреизмъ съ современнымъ естествознаніемъ: міръ не одинъ, ихъ бесконечное множество. „Я вижу, какъ міры возникаютъ въ нѣдрахъ пустого пространства, восклицаетъ талантливый послѣдователь Эпикура Лукрецій. Эти міры, эти небесныя планеты имѣютъ своихъ обитателей, они—огромныя тѣла, которыя развиваются такъ же, какъ и наше тѣло, потомъ умираютъ, какъ оно, чтобы уступить мѣсто другимъ; каждый день рождаются и умираютъ міры въ бесконечномъ пространствѣ“.

Но ни нашъ, ни все многообразіе остальныхъ міровъ не созданы для блага человѣка. Нѣтъ ничего фальшивѣе мысли, что въ мірѣ что либо создано для какой либо цѣли, что мы имѣемъ языкъ для того, чтобы говорить, уши для того, чтобы слышать и т. д. Наоборотъ, мы говоримъ потому, что имѣемъ языкъ, мы слышимъ потому, что имѣемъ уши. Если-же мы иногда и наблюдаемъ цѣлесообразность въ мірѣ, то на это нужно смотрѣть не какъ на необходимость, но на случайное совпаденіе. Признать цѣлесообразность въ мірѣ, значитъ допустить существованіе Верховнаго Существа, которымъ все создано для благой цѣли. Эпикуръ—же не можетъ допустить участіе божества въ дѣлахъ человѣческихъ, не можетъ поэтому разсматривать телеологически весь міровой процессъ.

Все существующее произошло естественнымъ путемъ. Такъ, напр., нашъ міръ произошелъ слѣдующимъ образомъ. Въ какой-либо части мірового пространства скопилось нѣсколько атомовъ различной формы и величины. Атомы сталкивались другъ съ другомъ, давили другъ друга, откакивали. При этомъ, наиболѣе тяжелые атомы образовали

плотную массу, опускающуюся внизъ, легкіе-же атомы образовали воздухъ, поднимающійся вверхъ. Моря образовались отъ остѣданія земли, внутренность которой пуста. Солнце произошло отъ особыхъ атомовъ, поднявшихся вверхъ. Что-же касается образованія другихъ міровъ, то наша добрая воля—строить ту или другую гипотезу, лишь бы эта гипотеза была естественна. Вообще Эпикуръ къ физическимъ и астрономическимъ вопросамъ относится поверхностно, равнодушно, легкомысленно. Каковы были его собственныя астрономическія познанія, ясно изъ упомянутого взгляда, что солнце, луна и небесныя тѣла вовсе не больше, если даже не меньше, чѣмъ они намъ кажутся.

Все существующее въ нашемъ мірѣ также произошло естественнымъ путемъ. Юношески сильная земля, произвела не только растенія, но и животныя, которыя не упали съ неба, а возникли изъ земли. Нѣкоторыя изъ родившихся животныхъ обладали неимовѣрной страшной формой. Но сохранились только наиболѣе приспособленныя.

Такимъ-же естественнымъ путемъ происходило и развитіе человѣчества. Написанная имъ картина исторіи человѣческой культуры составляетъ золотыя страницы всей его системы. Она могла-бы составить честь мыслителю XX-го вѣка, а не только человѣку, жившему за III столѣтія до Р. X. Единственный недостатокъ этой картины—нѣкоторая матеріалистическая односторонность.

Эпикуръ былъ однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ мыслителей древности, которые признавали человѣка доступнымъ прогрессу: Онъ является такимъ образомъ предшественникомъ Фр. Бекона, Гоббса и Юма.

Рисуя первобытнаго человѣка, онъ не идеализируетъ его. Правда, прежній человѣкъ гораздо сильнѣе и крѣпче теперешняго. Организмъ его былъ гораздо крѣпче нашего. Онъ обладалъ мощнымъ костякомъ и солидными мускулами, его загрубѣлая кожа была нечувствительна къ холоду и жару. Первобытный человѣкъ не зналъ ни жилища, ни одежды

и жилъ въ лѣсахъ, гдѣ въ кустарникахъ и пещерахъ въ непогоду искалъ себѣ убѣжища. Руководилъ людьми эгоизмъ.

Ни обычаевъ, ни права, ни закона не существовало. Какъ громадное стадо животныхъ люди бродили толпами, сильные убивали слабыхъ, подобно звѣрямъ удовлетворяли безстыдно свою похоть. Вѣчная борьба, то съ животными, то друга съ другомъ— вотъ удѣлъ первобытнаго человѣка.

Что-же вывело людей изъ этого первобытнаго состоянія невѣжества и грубости. *Нужда, опытъ, размысленіе*— отвѣчаетъ намъ Эпикуръ.

Три великія открытія способствовали культурному развитію человѣчества: употребленіе одежды изъ шкуръ, жилища и огня. У огонька, подъ крышею защищенной отъ непогоды хижины развилась семейная жизнь.

Блестящія страницы изъ исторіи культуры, содержаніе которыхъ мы здѣсь излагаемъ общими штрихами, завершаются любопытной гипотезой о происхожденіи языка, гипотезой, предъ которой современные лингвисты воскуряютъ фиміамы, будучи изумлены чудеснымъ наитіемъ спекулятивнаго мыслителя, опередившаго болѣе чѣмъ на XX столѣтій выводы современнаго опытнаго языкознанія. Языкъ—есть результатъ постепеннаго прогресса. Первоначально люди изъяснялись нечленораздѣльными звуками или жестами. Языкъ возникъ изъ потребности человѣка выражать голосомъ охватывающія его чувства. Неоднократное выдыханіе воздуха вслѣдствіе различія испытываемыхъ нами чувствъ создало разнообразныя слова. Вотъ какъ Эпикуръ объясняетъ происхожденіе языка.

Время—лучшій учитель. Чѣмъ больше жилъ человѣкъ, тѣмъ былъ опытнѣе, приспособленнѣе къ жизни. Изъ рядовыхъ обыкновенныхъ личностей выдвигались способныя лица въ качествѣ учителей, начальниковъ и т. д. Послѣдніе захватывали власть, строили замки, но вслѣдствіе зависти толпы бывали убиваемы. Возникла анархія, которая

прекращалась только избраніемъ монарха и законами о наказаніяхъ.

Съ теченіемъ времени развивалась общественная жизнь, въ которой все было построено на взаимномъ договорѣ не вредить другъ другу. Эпикуръ такимъ образомъ сторонникъ договорной системы и предшественникъ Гоббеса и другихъ англійскихъ утилитаристовъ.

Также просто и естественно Эпикуръ подходит къ описанію внутренняго міра человѣка. Впрочемъ, въ психологіи Эпикуръ и много грѣшитъ, и мало оригиналенъ. Главныя ошибки, раздѣляемыя Эпикуромъ, состоятъ въ признаніи центромъ душевной дѣятельности груди, а не головы.

Но вообще древніе сѣдалищемъ мысли считали грудь и сердце и воображали, что думаютъ не головой, а сердцемъ. У евреевъ же центромъ психической дѣятельности считалась кровь, Сократъ мѣстопробываніемъ души признавалъ грудь, Аристотель голову называлъ только холодильникомъ сердца. Лишь Платонъ считаетъ голову центромъ психической дѣятельности. Заявленіе Эпикура, что душа заключается въ сердце, является, повторяемъ, общимъ грѣхомъ современной ему психологіи, отъ котораго отчасти не могли отдѣлаться и такіе мыслители новаго времени, какъ Декартъ. По ученію Эпикура, весь организмъ человѣка состоитъ изъ тѣла, души и духа. Такъ же какъ и тѣло, душа и духъ матеріальны. Причемъ душа и тѣло, соединены вмѣстѣ и образуютъ одну природу, въ которой душа представляетъ безсознательную и пассивную часть ея, а духъ сознательную и активную.

Что душа такъ же матеріальна, какъ и тѣло, доказывается взаимодействіемъ между душой и тѣломъ. Тончайшіе и подвижнѣйшіе огненные и воздухоподобные атомы входятъ въ составъ души, что также доказываетъ матеріальность ея. Съ моментомъ смерти атомы души расфиваются, такъ что не существуетъ никакой загробной жизни. При жизни же человѣка душа является какъ бы какимъ-то „психо-

родомъ“, изъ котораго порождаются всѣ остальные психическія явленія, подобно тому, какъ теплородъ, по теоріямъ конца XVIII вѣка, порождалъ явленія тепловыя.

Какъ всѣ дороги древней Греціи вели къ одному мѣсту, къ Оливамъ, такъ и всѣ физическія теоріи Эпикура ведутъ къ одной и той же цѣли—доказать невмѣшательство боговъ въ міровыя дѣла.

Міръ произошелъ самъ по себѣ естественно, человѣкъ не созданіе божества, душа его не безсмертна, —гдѣ же въ такомъ случаѣ связь между человекомъ и Богомъ, спрашиваемъ мы?

Эпикуръ и не старается установить эту связь. Цѣль его другая: освободить людей отъ религіознаго суевѣрія.

Свои взгляды на религію Эпикуръ высказываетъ въ письмѣ къ своему ученику Меникею: „Первымъ долгомъ ты долженъ вѣрить, что Богъ блаженъ и безсмертенъ, пишетъ Эпикуръ. Не прилагай къ той картинѣ, которую ты создаешь себѣ о Богѣ, никакихъ качествъ, которыя противорѣчатъ безсмертности или блаженству. Боги существуютъ, но они совершенно другіе, чѣмъ ихъ представляетъ себѣ толпа. Кто отрицаетъ боговъ толпы, не есть такимъ образомъ безбожникъ, то тотъ безбоженъ, кто придаетъ богамъ свойства, приложенныя имъ толпой“.

По мнѣнію Эпикура, вѣра въ боговъ причиняла, людямъ одинъ страхъ „Жизнь человека у всѣхъ на глазахъ пресмыкалась, удрученная бременемъ вѣроученія“, говоритъ послѣдователь Эпикура Т. Л. Каръ.

Боги, по выраженію того же Лукреція, смуту вносятъ въ наше счастье при помощи страха. „Не бояться боговъ, но освобождать тревожащихся“—вотъ девизъ, который намѣчаетъ себѣ Эпикуръ.

Однако онъ не отрицаетъ совершенно боговъ. *Боги существуютъ*—это основной тезисъ эпикуровской догматики. Это онъ старается подтвердить тѣмъ, что сама природа запечатлѣла въ душахъ всѣхъ понятіе о богахъ. Разъ толпа думаетъ, что боги есть,

значить они должны быть. Въ чемъ всѣ согласны, то, по логикѣ нашего философа, должно быть истиннымъ. Но человѣкъ не жаждетъ сердцемъ Бога, не стремится къ Нему съ горячей любовью, а божество какъ-то насильственно посредствомъ упомянутыхъ „образовъ“ врывается въ умъ человѣка, заставляя его чуть-ли не съ перваго дня рожденія признавать фактъ существованія божества.

Но признавъ существованіе своихъ боговъ, Эпикуръ боится ихъ, какъ преступниковъ, какъ татей, и строитъ для нихъ загражденіе, чтобы они не смѣли проникнуть въ міръ и натворить бѣдъ. По образному выраженію Сенеки, онъ ихъ совсѣмъ обезоруживаетъ. Посмотримъ теперь, какъ совершается это „обезоруживаніе“.

Въ общихъ чертахъ это „обезоруживаніе“, эта проблема освобожденія человѣка отъ боговъ высказывается въ первомъ изреченіи его *Kύριαι δόξαι* „Блаженное и нетлѣнное существо и сама не трудится, и другому не доставляетъ труда, такъ что Оно неoderжимо ни гнѣвомъ, ни милостью, потому что все въ этомъ родѣ было бы признакомъ слабости“.

Эпикуръ называетъ Бога блаженнымъ (*μακάριον*). Представленіе о блаженствѣ боговъ также введено намъ, какъ и представленіе о ихъ существованіи. А то, что блаженно, то, по Эпикуру, не трудится. Созданіе же міра есть безусловный трудъ для Бога. Тотъ Богъ, который создастъ міръ не есть блаженнѣйшее существо, а „мученикъ“.

Богъ, въ эпикуровскомъ смыслѣ, ничего не дѣлаетъ, не обремененъ никакими занятіями, не задумываетъ никакихъ дѣлъ, наслаждается своею мудростью и добродѣтелью. Міръ не твореніе его рукъ. Признавать Бога творцомъ міра—это, по Эпикуру все равно, что посадить на шею вѣчнаго господина, котораго бы мы и дни, и ночи боялись. Міръ созданъ механически безсознательными силами природы. Міръ не нуждается ни въ „мастерской“, ни въ „изобрѣтателѣ“. Считающій міровымъ началомъ Бога поступаетъ по примѣру тѣхъ посредственныхъ писателей,

которые, не умѣя довести трагедію до конца, прибѣгаютъ къ Deus ex machina.

Знающій причины естественныхъ явленій не заставитъ вмѣшиваться боговъ въ міровую сумятицу явленій. Эпикуръ конкретно не можетъ представить себѣ самый процессъ образованія міра, если бы Творцомъ его былъ Богъ. „Какое усиліе, какія желѣзные орудія, какіе рычаги, какія машины, какіе, наконецъ, помощники были при такомъ великомъ сооруженіи? спрашиваетъ онъ. И какимъ образомъ воздухъ, вода и земля могли слушаться и повиноваться волѣ зодчаго“.

Ради какой цѣли боги создали міръ? Чѣмъ объяснить, что они неожиданно захотѣли сотворить міръ? Почему строители міра явились вдругъ, проспавъ несмѣтное число столѣтій, „что за причина была, что Богъ, словно эдиль, пожелалъ украсить міръ блестящими звѣздами?“

Для кого онъ создалъ міръ? Если для того, чтобы самому лучше жить, то прежде, вѣроятно, безпредѣльное время обиталъ онъ во мракѣ, словно въ лачугѣ...

Или можетъ быть, Богъ устроилъ это ради людей? ради мудрыхъ? Въ такомъ случаѣ столь великое движеніе вселенной создано ради немногихъ. Или можетъ-быть, ради глупцовъ? Но вѣдь, во-первыхъ, не было основанія оказывать услуги дурнымъ; затѣмъ, чего же онъ достигъ? Всѣ глупцы несомнѣнно самые несчастные, преимущественно потому, что они глупцы (ибо, что можно назвать большимъ несчастіемъ, какъ глупость?); потомъ, хотя въ жизни много невзгодъ, но мудрые смягчаютъ ихъ, вознаграждая себя выгодами, глупцы же не могутъ ни избѣжать грядущихъ, ни перенести настоящихъ золъ“.

Этими словами Эпикуръ старается доказать, что разъ у боговъ не было побудительной причины для созданія міра, то они не могутъ считаться зиждителями его.

Въ чемъ же должна заключаться эта побудительная причина, чѣмъ должны руководствоваться

боги при созданіи міра и человѣка? Единственный отвѣтъ—пользой. Въ своей практической морали Эпикуръ считаетъ справедливымъ, разумнымъ для всякаго человѣка то, что полезно ему. Пользой опредѣляется всякая разумная человѣческая дѣятельность. Тотъ же самый принципъ полезности обязателенъ и для боговъ. Если бы Боги создали міръ,—значить, это было полезно для нихъ. „Но въ чемъ, спрашиваетъ Эпикуръ, можетъ человѣкъ быть полезенъ Богу, и какое побужденіе могъ имѣть Богъ, сотворивъ человѣка?“.

Отвѣтъ дается отрицательный. Но, можетъ-быть, Богъ создалъ человѣка для того, чтобы въ лицѣ его приобрести цѣнителя его твореній, восхищающагося его могуществомъ, диопрамбиста, готоваго всегда его прославлять? Нѣтъ, отвѣчаетъ намъ философъ. „Богъ не имѣетъ ни въ чемъ надобности, наслаждаясь полнымъ блаженствомъ. Къ чему можетъ служить воздаваемое ему человѣкомъ блаженство“.

Можетъ быть, міръ созданъ для того, чтобы человѣкъ пользовался имъ какъ своею собственностью, чтобы отъ этого міра получалъ пользу? Нѣтъ, отвѣчаетъ Эпикуръ. „Если Богъ настолько былъ милостивъ къ человѣку, что создалъ въ пользу его міръ, внушилъ ему мудрость, далъ ему власть надъ прочими своими тварями, возлюбилъ его, какъ сына, то зачѣмъ же сотворилъ его подверженнымъ смерти и многимъ другимъ немощамъ? Зачѣмъ предалъ его столь разнообразнымъ бѣдствіямъ, тогда какъ человѣкъ, соединяясь тѣсно съ Богомъ, долженъ бы быть бессмертнымъ и блаженнымъ, какъ самъ Богъ?“ „Знали-ли они, сознавали въ душѣ то, что сдѣлать хотѣли?“, спрашиваетъ про боговъ послѣдователь Эпикура Лукрецій.

Такимъ образомъ, Эпикуръ не находитъ той цѣли, которой бы боги могли оправдать твореніе міра—*нѣтъ пользы*

Вторымъ доказательствомъ невмѣшательства боговъ въ міровыя дѣла служитъ отсутствіе цѣлесообразности въ мірѣ и существующее зло.

На отсутствіе цѣлесообразности въ мірѣ, или такъ называемую *дистелеологию* (терминъ этотъ кажется, впервые придуманъ Геккелемъ) Эпикуръ указалъ вслѣдъ за Демокритомъ.

Относительно этого вопроса Эпикуръ говорилъ то же самое, что спустя двѣ тысячи съ лишнимъ лѣтъ высказывалъ великій человѣкъ христіанской эры—Кантъ. „Понятіе цѣли, говоритъ Кантъ, есть собственно прищлецъ въ естествознаніи; способъ представленія по конечнымъ причинамъ есть только лишь извѣстный вспомогательный пріемъ, который хотя намъ во многихъ случаяхъ удастся, но не даетъ намъ права въ естествознаніи примѣнять ко всѣмъ случаямъ особенный способъ дѣйствія, отличный отъ причинности по чисто механическимъ законамъ“.

Припомнимъ по этому поводу замѣчаніе Гете, который говорилъ, что природу нужно понимать, не задавая вопросовъ: Warum?, а спрашивая: Wie?

„Думать, что для нуждъ человѣчества создали боги всю эту дивную сущность міровъ, крайне преступно!“—воскликаетъ эпикуреецъ Лукрецій. Природа для человѣка—мачеха. Она добрѣе къ животнымъ, чѣмъ къ людямъ.

Поэтическій примѣръ нецѣлесообразности въ мірѣ даетъ намъ тотъ же Лукрецій:

Почему время года приносить

Людямъ болѣзнь? Почему преждевременно
смерть всюду бродитъ?

Или младенца возьми? Какъ пловецъ, что
могучей волною

Выброшенъ, голый, безмолвый лежитъ на
землѣ онъ, нуждаясь

Въ жизненной помощи всякой, когда средь
потугъ его къ свѣту

Изъ глубины материнской утробы выводитъ
природа.

Крикомъ младенческимъ онъ оглашаетъ всю
мѣстность, и правъ онъ,

Такъ какъ ему предстоитъ испытать столько
жизненныхъ бѣдствій.

Между тѣмъ, скотъ, табуны лошадей или
дикіе звѣри

Безъ погремусекъ возрастаютъ. Животнымъ
совсѣмъ незнакомы

Тучной кормилицы тучныя и шепелявыя
рѣчи.

Такъ не нужны имъ всякія платья во време-
ни года.

И, наконецъ, имъ не нужны оружіе и крѣп-
кія стѣны

Для охраненія имущества. Каждому все въ
изобилии

Почва даетъ и природа вещей припасаетъ
искусно.

Попытаемся освѣтить исторически ученіе Эпикура о нецѣлесообразности. По вопросу о цѣлесообразности существовали въ античное время два крайнія мнѣнія: одни, какъ Эпикуръ, отрицали всякую цѣлесообразность; другіе слишкомъ увлекались идеей о цѣлесообразности, какъ, напр., Анаксагоръ. Отрицаніе цѣлесообразности вело къ отрицанію вмѣшательства боговъ въ міровыя дѣла. Признаніе же цѣлесообразности приводило къ курьезамъ. Такъ, въ средніе вѣка, писались схоластическіе трактаты, носившіе, напр., громкія названія ихтіо—теологіи или петротеологіи, въ которыхъ доказывалось, что рыбы, камни и проч. созданы для опредѣленной цѣли.

Эпикуръ крайностью своего мнѣнія противоборствовалъ крайностямъ ученія о цѣлесообразности. Въ настоящее время въ наукѣ существуютъ примирительныя взгляды на этотъ вопросъ. Въ мірѣ нѣтъ цѣлесообразности, говоритъ современная наука, но есть только стремленіе къ цѣли, постепенное развитіе какого-либо существа и приспособляемость его въ ряду другихъ существъ.

Односторонность взглядовъ Эпикура хотя и можетъ быть поставлена ему въ вину историкомъ, однако извиняется тѣмъ, что вопросъ о цѣлесообразности чуть-ли не впервые былъ поднятъ нашимъ философомъ.

Второй причиной, заставившей Эпикура отрицать вмѣшательство боговъ въ дѣла людей, является наличность зла въ мірѣ. Вопросъ о происхожденіи зла считается однимъ изъ труднѣйшихъ и серьезнѣйшихъ вопросовъ человѣчества. И въ античной періодъ онъ имѣлъ такой острый характеръ, какъ и въ христіанскую эру. Вспомнимъ, что вокругъ этого вопроса въ первый періодъ христіанства образовалась секта манихейнъ, разрѣшавшая этотъ вопросъ посредствомъ существованія двухъ верховныхъ началъ, управляющихъ міромъ—добраго и злого. Въ періодъ патристическій и схоластическій онъ не теряетъ своей жгучести. Лактанцій, напр., утверждалъ, что зло допущено Богомъ для того, чтобы укрѣпить людей въ мудрости и добродѣтели. Василій Великій приписывалъ зло свободной волѣ человѣка. Въ послѣдующіе вѣка споры о происхожденіи зла поднимались у протестантовъ, реформаторовъ молинистовъ, янсенистовъ. Въ концѣ XVII вѣка за этотъ вопросъ принялись и французскіе вольнодумцы.

Особенно этотъ вопросъ интересовалъ извѣстнаго Бэйля, автора „Словаря“, у котораго въ этомъ отношеніи есть сродство со взглядами манихейнъ. Серьезное вниманіе на этотъ вопросъ обратилъ и Лейбницъ въ своей „Теодицеи“. Не пропустили безъ вниманія этотъ вопросъ Вольтеръ и другіе деисты. Такимъ образомъ, этотъ важный въ исторіи человѣчества вопросъ, сформулированный Лейбницемъ: *si Deus est, unde malum?* поднять первоначально едва ли не Эпикуромъ.

Существованіе зла Эпикуръ доказываетъ слѣдующимъ силлогизмомъ, весьма популярнымъ, какъ въ древнее, такъ и въ новое время. Вотъ этотъ силлогизмъ. „Или божество хочетъ удалить отъ насъ зло и не можетъ, или можетъ и не хочетъ, или не хочетъ и не можетъ, или хочетъ и можетъ. Если хочетъ и не можетъ, то это слабость, несвойственная Богу. Если можетъ и не хочетъ, то это—зависть, которая не свойственна Богу столько же, какъ и слабость.

Если не можетъ и не хочетъ, то это вмѣстѣ и слабость, и зависть, поэтому оно не есть божество. Если хочетъ и можетъ, то откуда зло въ мірѣ, и почему оно не удаляетъ его отъ насъ“. Казалось бы, что Эпикуръ, увѣрившись въ существованіи зла въ мірѣ, долженъ послѣ этого или создавать теодицею для оправданія существующаго зла, или же вступить на скользкій путь атеизма. Эпикуръ ни того, ни другого не дѣлаетъ. Онъ выбираетъ третье: міръ не созданъ богомъ и съ нимъ ничѣмъ не связанъ. Вѣдь если бы существовала дѣйствительная связь между богомъ и людьми и если бы мольбамъ людей божество слѣдовало, то, пронизируетъ Эпикуръ, всѣ люди немедленно бы погибли, постоянно выманивая у боговъ трудное и жестокое другъ для друга.

Послѣдовательно проводя идею о независимости міра отъ боговъ, онъ далѣе такъ учитъ о послѣднихъ. Чуждый намъ богъ не способенъ ни гнѣваться на насъ, ни быть милостивымъ къ намъ. Стоики также лишали боговъ чувства гнѣва, лишали потому, что божество, по ихъ мнѣнію, способно только благопріятствовать людямъ, Эпикуръ же, говоря о не-свойственныхъ богамъ чувствахъ гнѣва или милости, отрицаетъ вообще въ богахъ проявленіе всякаго чувства.

Какія же послѣдствія могли возникнуть отъ уничтоженія въ божествѣ возможности испытывать какія либо чувства по отношенію къ людямъ? Послѣдствія дѣйствительно громадны. Порывается психологическая связь между богомъ и человѣкомъ. Если божество по отношенію къ человѣку ничего не чувствуетъ, то въ свою очередь и человѣкъ не обязанъ испытывать пѣтическихъ чувствъ.

Атеистическій характеръ этого пункта догматики Эпикура впервые выяснилъ Цицеронъ — „Поистинѣ пишетъ онъ въ своемъ сочиненіи „О природѣ боговъ“, Эпикуръ съ корнемъ извлекъ изъ человѣческихъ сердець религію, отнявъ у боговъ помощь и милость. Ибо утверждая, что природа божества самая лучшая и превосходная, онъ же отрицаетъ у божества милость;

онъ уничтожаетъ то, что всего болѣе свойственно лучшей и превосходнѣйшей природѣ. Вѣдь, что лучше и превосходнѣе доброты или благотворительности? Утверждая, что боги не имѣютъ этихъ чувствъ. вы утверждаете, что божеству никто не дорогъ: ни богъ, ни человѣкъ. что никого оно не любитъ, никого не цѣнить! Изъ этого вытекаетъ, что боги не только людьми пренебрегаютъ, но и между собою они пренебрегаютъ другъ другомъ“.

Еще сильнѣе на этотъ пунктъ ученія Эпикура нападаетъ Лактанцій. „Религія уничтожается, пишетъ онъ („О гнѣвѣ Божіемъ“), если то правда, какъ увѣряетъ Эпикуръ, что боги, будучи безсмертны по своему естеству, наслаждаясь совершеннымъ спокойствіемъ и удаляясь отъ всякаго шума и мятежа, непричастны ни къ какой скорби и страху и что, изобилуя собственными благами и не завися отъ нашихъ благъ, не бываютъ умиловивляемы нашими дарами и почестями и раздражаемы нашимъ небреженіемъ и неуваженіемъ. Думаетъ ли Эпикуръ этими словами увѣрить насъ, что надобно воздавать какое-либо служеніе Богу или же совсѣмъ отвергать его и отвергая, разрушаетъ всякій родъ религіи? Если Богъ никому не дѣлаетъ добра, если онъ никогда не вознаграждаетъ за оказываемые ему услуги, то что можетъ быть бесполезнѣе, смѣшнѣе и безразсуднѣе, какъ строить храмы, приносить жертвы и употреблять имущество свое на такія издержки, изъ которыхъ нельзя извлечь никакой пользы?... Какія же почести должно воздавать такому богу, который совсѣмъ о насъ не заботится и не имѣетъ къ намъ никакого отношенія? Какую обязанность можемъ мы имѣть для почитанія Бога, съ которымъ мы совсѣмъ не знакомы.“

Стремясь освободить человѣка отъ власти боговъ, Эпикуръ долженъ былъ коснуться и тѣсно связаннаго съ религіей предсказанія (μαντική). Во многихъ своихъ сочиненіяхъ онъ такъ же, какъ и Ксенократъ, доказываетъ невозможность предугадыванья будущаго. По мнѣнію философа, человѣкъ, избавленный отъ власти боговъ, не боится

судьбы. Онъ свободенъ, т. к. цѣнности жизни создать самъ своимъ разумомъ. Онъ не испытываетъ внѣшняго вліянія ни судьбы, ни боговъ. Подобную мысль высказываетъ Эпикуръ въ одномъ своемъ афоризмѣ: „Судьба имѣетъ мало вліянія на умнаго человека: его разумъ установилъ вещи самыя великія и самыя важныя, и въ продолженіе своей жизни онъ устанавливаетъ и будетъ устанавливать ихъ“.

Замѣтимъ въ скобкахъ, что Эпикуръ въ отрицаніи предсказаній не одинокъ, а можетъ быть и подражателенъ. Еще раньше его противъ предсказаній боролся Ксенократъ и другіе. Однако, есть и противоположные взгляды. Говорятъ, что Эпикуръ былъ сторонникомъ фатализма и вѣрилъ въ предсказанія. Такъ въ схолии къ одному изъ древнихъ писателей говорится, что эпикурейцы, отрицая предсказаніе, рассуждали такъ: „то, что должно случиться, то и случится“. Мы думаемъ, что такія слова не вяжутся съ эпикурейскимъ представленіемъ о счастіи. Въ этихъ словахъ проповѣдуется фатализмъ и покорность судьбѣ, а Эпикуръ совсѣмъ другія задачи ставилъ своей философіи. „Во сколько, спрашиваетъ онъ, нужно цѣнить ту философію, которой, словно старухамъ, да и то необразованнымъ, все кажется происходящимъ по судьбѣ“.

Обратимся теперь къ внѣшнимъ формамъ эпикуровскихъ боговъ. Здѣсь онъ слѣдуетъ опять тому же принципу, которымъ подтверждалъ существованіе боговъ: истинно то, что признается всѣми. Вслѣдствіе этого, онъ въ изображеніи своихъ боговъ ничего не могъ дать новаго, а изображалъ ихъ такими, какими представляла ихъ себѣ греческая толпа.

Внѣшній видъ у боговъ человекообразный, потому что *всѣ* мыслятъ ихъ таковыми. Кромѣ того, человекообразность (антропоморфизмъ) доказывается еще тѣмъ, что они такими намъ кажутся во снѣ.

Припоминая канонику Эпикура, мы поймемъ, что онъ съ своей точки зрѣніемъ правъ, довѣряясь

истинности сновидѣній. Вѣдь по Эпикуру, всякое ощущеніе истинно. Поэтому не только сонный бредъ, но и вымыслы сумасшедшихъ истинны.

Слѣдовательно, если боги намъ кажутся человѣкообразными во снѣ, то мы, довѣряясь полученнымъ ощущеніямъ, должны мыслить ихъ таковыми. Къ этому же Эпикуръ присоединяетъ и эстетическія соображенія. Божественная природа должна быть, самую прекрасною, а прекраснѣе человѣческаго образа ничего не можетъ быть. Наконецъ, разумность божества служить подтвержденіемъ антропоморфизма. „Извѣстно, что боги въ высшей степени блаженны, а блаженнымъ никто быть не можетъ безъ добродѣтели, и добродѣтель не можетъ существовать безъ разума, *ни разумъ находится гдѣ-либо, кромѣ человѣческаго образа*,—то должно признать, что боги имѣютъ человѣческій видъ“.

Очевидно, что самъ Эпикуръ чувствовалъ грубость и вульгарность своего представленія о богахъ. Поэтому для того, чтобы облагородить свое представленіе о нихъ, добавляетъ, что боги имѣютъ не настоящее тѣло, *а какъ бы тѣло*, не настоящую кровь, *а какъ бы кровь*.

У боговъ такой видъ, что онъ не заключаетъ въ себѣ ничего твердаго, ничего плотнаго, ничего въ осязаемой формѣ. Впрочемъ, позднѣйшіе эпикурейцы придавали болѣе грубыя черты своимъ богамъ. Нѣкоторые изъ нихъ утверждали, что есть боги мужескаго и женскаго пола. Боги обладаютъ даромъ слова и необходимыми для этого органами. У Секста Эмпирика мы находимъ интересное мѣсто: „Говорить, что безсловесно божество—совершенно неумѣстно, и этимъ мы противорѣчимъ общепринятымъ представленіямъ. А если божество одарено словомъ, то оно пользуется голосомъ и имѣетъ звуковые органы, соотвѣтственно этому—легкія, нервную артерію, языкъ и ротъ. Безсловесность божества неумѣстна и по смыслу міеологіи Эпикура“. Эпикуреецъ Филодемъ наивно думаетъ, что боги говорятъ на греческомъ діалектѣ и даже поднимаетъ вопросъ о томъ, не спятъ ли они.

Антропоморфизмъ, представляемый въ такомъ видѣ, очень ѣдко осмѣиваетъ Цицеронъ: „Станемъ-ли мы, спрашиваетъ онъ, считать нѣкоторыхъ изъ нихъ, если не косыми, то, по крайней мѣрѣ, прищуривающими глаза. Одни, пожалуй, имѣютъ родимое пятно, а иные курносые, вислоухіе, съ широкими лбами, съ большими головами, какъ и между насъ. Или, быть можетъ, у нихъ все въ лучшемъ видѣ“.

Дѣйствительно, въ этомъ пунктѣ своего ученія Эпикуръ попалъ въ логическій кругъ, изъ котораго ему трудно было выбраться. Богъ, который долженъ бы, по замыслу Эпикура, жить независимо отъ міра, живетъ однако въ тѣсной связи съ этимъ міромъ, такъ какъ всѣ формы своего существованія заимствуетъ отъ этого міра, въ частности, отъ челоуѣка, который, по заявленію нашего философа, не долженъ имѣть никакой связи съ божествомъ. Поэтому вся теологія Эпикура представляетъ изъ себя аляповато сдѣланное зданіе, задуманное, правда, по грандіозному плану. Грубость, аляповатость нѣкоторыхъ частей его религіозной системы видна хотя бы изъ того, что такой, несомнѣнно отвлеченный, атрибутъ божества, какъ вѣчность, Эпикуръ не можетъ иначе представить, какъ въ формѣ самаго дѣтскаго, самаго низкаго представленія. Именно, Плутархъ сообщаетъ намъ, что у Эпикура божество считалось вѣчнымъ не по своей природѣ, а вслѣдствіе того, что оно бережется и отстраняетъ отъ себя все дурное. Въ результатъ религія Эпикура—религія черни. Этимъ и объясняется то, что онъ не пострадалъ за свои религіозныя убѣжденія. Если бы онъ до конца проводилъ свои взгляды, то онъ могъ бы такъ же потерпѣть за непочтеніе къ богамъ, какъ и Сократъ. Но его спасли конечные выводы его религіи, сходные съ религіей массы. Не нужно думать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые ученые, что религія грековъ отличалась вѣротерпимостью. Исторія доказываетъ намъ обратное. Греки не преминули бы жестоко расправиться съ Эпикуромъ за его религіозное вольномысліе. Кроме того, въ то время преслѣдовали за проступки, за

дѣла, теоретическое же вольномысліе не считалось преступленіемъ. Поэтому Эпикуръ, борясь противъ суевѣрія толпы, отмѣчая отрицательные стороны народной религіи,—зналъ, что онъ пользуется относительной свободой слова. Эпикуръ представлялъ внѣшность боговъ такой, какой представлялъ ее и самый ортодоксальный греческій жрецъ. Правда, его боги не нуждались въ рѣзцѣ Фидія и Праксителя, не требовали конкретного воплощенія; правда, онъ отрицалъ вмѣшательство боговъ въ дѣла людей, боролся противъ суевѣрія,—но зато онъ сохранялъ внѣшность греческаго обряда. Говорятъ, что онъ ходилъ въ храмы молиться богамъ. Сохранились слова одного изъ восторженныхъ поклонниковъ Эпикура, когда онъ въ первый разъ увидѣлъ колѣнопреклоненнаго Эпикура. „Какое для меня зрѣлище! Я никогда такъ хорошо не понималъ все величіе Юпитера, какъ съ той минуты, когда увидѣлъ колѣнопреклоненнаго Эпикура!“ Значитъ Эпикуръ не могъ возбудить противъ себя подозрѣнія толпы. Да и послѣдующіе эпикурейцы отъ временъ Нерона до Константина не страдали за свои убѣжденія. Это объясняется тѣмъ, что обычнымъ испытаніямъ въ правовѣрности они не придавали никакого значенія. Они были для эпикурейца пустыми формальностями. эпикурейцу ничего не стоило принести жертву, поклясться именемъ Императора и соблюсти тысячу другихъ, обрядовъ, доказывающихъ его религіозность.

Одно только странно для историка философіи: чѣмъ объяснить такое противорѣчіе между теоріей и практикой, чѣмъ объяснить одновременное религіозное вольномысліе Эпикура и соблюденіе греческаго культа. Враги Эпикура объясняли это противорѣчіе очень просто—*ханжествомъ*. Но скорѣе всего на это противорѣчіе нужно смотрѣть, во-первыхъ, какъ на уступку, какъ на отсутствіе гражданскаго мужества, какъ на нежеланіе стойко отстаивать свои убѣжденія. Атараксія, спокойствіе для Эпикура было выше всего. И поэтому онъ малодушно жертвовалъ своими убѣжденіями ради душевной безмя-

тежности. Разумѣется, слабодушіе можно скорѣе извинить, чѣмъ сознательное ханжество. Во-вторыхъ, данное противорѣчіе можно объяснить тѣмъ, что Эпикуръ, возможно, переживалъ конфликтъ между невѣріемъ и вѣрой и испытывалъ поэтому „сомнѣніе отъ своего смышленія“. Атеизмъ, который такъ ярко проскальзываетъ вначалѣ, былъ вѣроятно наноснымъ, навѣяннымъ сочиненіемъ извѣстнаго Теодора (Περὶ Θεῶν), прозваннаго безбожнымъ, присужденнаго Ареопагомъ за атеизмъ къ тому наказанію, къ какому былъ приговоренъ Сократъ.

Если такъ неудачно Эпикуръ освобождаетъ людей отъ стаха передъ богами, сначала расковывая, а потомъ приковывая человѣка къ божеству еще болѣе крѣпкими цѣпями, то гораздо послѣдовательнѣе онъ былъ въ своемъ ученіи о смерти. „Ученіе Эпикура представляетъ собой, быть можетъ величайшее, какое когда-либо было сдѣлано, усиліе избавить человѣческой умъ отъ страха смерти, и при томъ независимо отъ вѣры въ безсмертіе“. Достаточно сказать, что, если въ наше время мысль о могильномъ камнѣ леденить кровь каждому человѣку, — христіанину, у котораго есть хоть смутная надежда на блаженство въ будущей жизни, то какой ужасъ навѣвала смерть въ то время, когда преисподняя представлялась темнымъ, холоднымъ, низкимъ мѣстомъ, когда считалось за лучшее быть погонщикомъ на землѣ, чѣмъ царемъ въ другомъ мірѣ. Въ наши дни, по мѣткому выраженію Паскаля, смерть подобна отчаянному ходу, при которомъ можно все проиграть, но можно все и выиграть; для древнихъ это было вѣрный проигрышъ.

„Смерть, говоритъ Эпикуръ въ своихъ избранныхъ изреченіяхъ ничто для насъ; ибо то что разрушено, то безчувственно, а что безчувственно, то не имѣетъ никакого отношенія къ намъ“. Та же мысль проводится въ другомъ мѣстѣ: „Смерть по отношенію къ намъ ничто; ибо всякое благо и зло покоится на способности чувствовать; смерть же есть лишеніе этой способности. Такое здоровое сознаніе

того, что смерть насъ не касается, влечетъ за собой, то, что мысль о смертномъ характерѣ жизни не мѣшаетъ болѣе наслажденію. Пока мы существуемъ, нѣтъ смерти, когда смерть есть, насъ болѣе нѣтъ. Нѣтъ, стало-быть, смерти ни для живыхъ, ни для мертвыхъ; ибо для тѣхъ, кто существуетъ, смерть не существуетъ, а тѣ, для кого она есть, болѣе не существуютъ“.

Словомъ, Эпикуръ такъ же, какъ въ новое время Шопенгауэръ, проповѣдуетъ полное равнодушіе къ смерти. Но нѣкоторые въ этомъ равнодушіи къ смерти предвидятъ мрачный призывъ къ самоубійству. Это ошибочно. Правда, проповѣдь отрѣшенія отъ жизни была въ высшей степени развита въ ту эпоху.

Одинъ изъ побочныхъ послѣдователей киренейской школы Гегезій, прозванный ораторомъ смерти, говорилъ своимъ многочисленнымъ слушателямъ, что всякій, кто утомился жизнью можетъ исцѣлиться отъ нея посредствомъ смерти.

Эпикуръ не даетъ возможности современному пессимисту подыскать въ его ученіи оправданіе самоубійству. „Что за безуміе, восклицаетъ онъ, бросаться въ объятія смерти изъ отвращенія къ жизни, когда именно вашъ родъ жизни и заставляетъ завидовать смерти.“ Лицамъ, которые повторяютъ слова поэта: „первымъ благомъ было бы совсѣмъ не родиться, вторымъ-какъ можно раньше вступить въ врата ада“, онъ говоритъ: „Почему же они, если дѣйствительно убѣждены въ истинности этихъ словъ, сами не покинуть жизни“...

Одинъ французскій писатель замѣтилъ, что въ глаза солнцу, и смерти никто не можетъ спокойно смотрѣть. Къ Эпикуру это выраженіе не подходитъ. Какъ колосъ, стоитъ онъ, гордо смотря въ глаза смерти.

А все во имя удовольствія онъ презираетъ смерть, какъ раньше во имя удовольствія отдѣлилъ человѣчество отъ божества. Какое чудодѣйственное содержаніе вливаетъ онъ въ это самое обыденное слово, если съ нимъ рѣшается идти въ борьбу про-

тивъ такихъ титановъ, какъ Богъ и смерть. Что удовольствіе цѣль жизни, объ этомъ говорилось и до Эпикура. И Эпикуръ также ставитъ цѣлью жизни удовольствіе. „Мы говоримъ, заявляетъ онъ, что удовольствіе есть начало и цѣль счастливой жизни, мы знаемъ, что оно есть первое и природное благо. Если мы что-либо избираемъ или отталкиваемъ, то по причинѣ удовольствія, мы бѣжимъ ему навстрѣчу, распознавая всякое благо съ помощью ощущенія, какъ правило“. Что же заставило Эпикура цѣлью жизни считать удовольствіе— „А то, отвѣтимъ мы его словами, что все живущее тяготеетъ къ удовольствію“. Удовольствіе—выше всего, выше даже добродѣтели, которая у эпикурейцевъ сводится на роль монеты, посредствомъ которой можно покупать удовольствіе. Добродѣтель, знаніе, мудрость потеряли бы значеніе если бы перестали доставлять удовольствія. Когда Эпикуръ говоритъ, что изъ всѣхъ удовольствій самое высокое-плотское, а изъ послѣдняго самое высокое-удовольствіе чрева, когда при этомъ вспоминаешь слова его ученика Метродора: „Въ чревѣ-вотъ въ чемъ разумъ“,—то невольно чувствуешь отвращеніе къ эпикуровской системѣ. Но когда мы не остановимся на полдороги и прослѣдимъ далѣе развитіе его системы, это предубѣжденіе мгновенно исчезнетъ. Прежде всего Эпикуръ противъ мимолетныхъ наслажденій. Всякое удовольствіе должно нормироваться пользой и чѣмъ больше пользы, тѣмъ выше удовольствіе. Онъ, по выраженію кн. С. Трубецкого, составляетъ преисъ-курантъ цѣнамъ на удовольствія. Одни удовольствія болѣе высоки, другія по цѣнности ниже. Бываетъ иногда и такъ, что мы вмѣсто удовольствія, должны испытать страданія, чтобы потомъ наслаждаться еще большимъ удовольствіемъ.

Человѣкъ долженъ составить себѣ планъ жизни съ опредѣленными очертаніями, долженъ самъ распредѣлить, какія удовольствія для него главны, какія второстепенны.

Изъ суммы нѣсколькихъ удовольствій онъ дол-

женъ создать то, что называется *счастьемъ*. Но вотъ вопросъ: осуществимо ли это счастье. Да осуществимо, скажетъ намъ нашъ философъ, если мы ограничимъ наши желанія, „Мы должны только предположить, что между желаніями одни—природны и необходимы, другія —природны и не обходимы, третьи—ни природны, ни необходимы, а зарождаются подъ вліяніемъ суетнаго взгляда“. Какъ видите, Эпикуръ дѣлаетъ счастье доступнымъ для всѣхъ, стоитъ только лишь желать необходимаго. Дай же Эпикуру ячменнаго хлѣба и воды и онъ готовъ поспорить въ счастья съ самимъ Юпитеромъ. Верхъ счастья чело-вѣкъ достигнетъ тогда, когда онъ уничтожитъ въ себѣ всякое желаніе, когда чело-вѣкъ прійдетъ въ состояние атаракіи.

Еще большую цѣнность пріобрѣтаетъ въ нашихъ глазахъ ученіе Эпикура, когда онъ заявляетъ, что духовное удовольствіе выше плотскаго. „Насколько страданіе души выше плотскаго настолько плотское удовольствіе менѣе сладостно, чѣмъ духовное“. Польза для тѣла, которая раньше была краеугольнымъ камнемъ эпикуровской философіи, смѣняется *пользой для души*. Онъ много говорилъ о такихъ добродѣтеляхъ какъ мужество, воздержанность, любовь и особенно дружба. Наиболѣе интересны его взгляды на любовь и дружбу. Любовь есть предразсудокъ. Вѣдь всякая любовь есть лишь стремленіе одарить любимый предметъ всевозможными совершенствами, а этого достигнуть нельзя. Къ браку Эпикуръ относится отрицательно, потому что семейная жизнь приноситъ много заботъ: чтобы избѣгнуть хлопотъ по хозяйству, мудрецъ не долженъ жениться, не долженъ имѣть дѣтей. „Впрочемъ, говоритъ Эпикуръ, это правило допускаетъ измѣненіе“.

Взгляды Эпикура на дружбу нельзя признать высокими. Другъ у него не есть наше второе „я“, къ которому мы привязываемся безкорыстнымъ образомъ, а чело-вѣкъ, отъ котораго мы ждемъ пользы. Но въ-слѣдствіи, благодаря привычки, дружеская привязанность можетъ стать и безкорыстною.

Нравственный идеалъ Э. можно видѣть въ томъ типѣ мудреца, который онъ нарисовалъ своимъ ученикамъ въ качествѣ образца для подражанія.

Мудрецъ не наказываетъ своихъ рабовъ, а имѣетъ сожалѣніе и снисхожденіе къ нимъ. Онъ не вмѣшивается въ дѣла государства и не совершаетъ насилія и несправедливости. Онъ не будетъ жить въ грязи, какъ циники, не будетъ просить милостыни и найдетъ себѣ пропитаніе, если даже будетъ лишенъ зрѣнія. Мудрецъ никогда не будетъ печалиться, вести процессы, добывать себѣ славу посредствомъ оставленныхъ послѣ себя произведеній или посредствомъ тщетной похвалы. Онъ любитъ свою родину и мужественно борется противъ судьбы. Жадныхъ онъ не дѣлаетъ своими друзьями. Его мысли даютъ ему больше наслажденія, чѣмъ другіе люди находятъ его въ сладострастіи. Распутство онъ не будетъ считать хорошимъ: онъ знаетъ, что, по убѣжденію однихъ, здоровье очень важно, а для другихъ оно безразлично. Храбрость кажется ему не подаркомъ боговъ, а слѣдствіемъ обдуманности. Мудрецъ украситъ свою комнату художественными произведеніями, если онъ имѣетъ средства, но не будетъ горевать, если это онъ не сможетъ сдѣлать. Онъ одинъ имѣетъ вѣрное мнѣніе о поэтическомъ искусствѣ и музыкѣ, радуется стихамъ, не сочиняя ихъ самъ и оставаясь безъ зависти, когда другой считается мудрѣе. Его сокровища лежатъ исключительно въ его духѣ. Онъ долженъ обнаруживать почтеніе и благодарить того, кто его наставляетъ. Свою школу онъ держитъ не для того, чтобы быть достойнымъ удивленія, но онъ выступаетъ скорѣе принужденно, чѣмъ добровольно, изъ тишины въ общественное собраніе, гдѣ онъ возвѣщаетъ увѣренно свое ученіе. Если нужно, онъ не откажется умереть за своего друга. Этотъ перечень правилъ, обязательныхъ для эпикурейца, можетъ достаточно убѣждать насъ, что въ лицѣ Эпикура мы должны видѣть непонятаго, оклеветаннаго, но безусловно нравственнаго человѣка.

Такова была философія Эпикура. Глубоко вѣрилъ

онъ въ спасательную силу своей философіи и съ этой глубокой вѣрой обращался ко всѣмъ людямъ со слѣдующимъ пламеннымъ призывомъ: „Пусть говоритъ онъ, юноша не медлитъ заниматься философіей, пусть старецъ не устаетъ, философствуя. Пусть никто не говоритъ, что преждевременно или поздно заниматься оздоровленіемъ души. Кто говоритъ о преждевременности или опозданіи для занятій по философіи, тотъ уподобляется человѣку, говорящему, что еще не наступило или уже прошло время для счастливой жизни. Такъ пусть же философствуетъ и юноша, и старецъ“.

Заканчивая мой очеркъ объ Эпикурѣ, я хотѣлъ бы въ нѣсколькихъ словахъ выяснить значеніе его философіи.

Спору нѣтъ, что онъ не крупный философъ. Въ его системѣ нѣтъ цѣльности и встрѣчается масса противорѣчій. Но всѣ эти недостатки искупаются такимъ дерзновеннымъ призывомъ человѣка къ свободѣ, котораго до него никто въ такой рѣзкой формѣ не высказалъ. Провозгласить свободу отъ всего того что до сихъ поръ спутывало человѣчество, для этого, нужно быть незауряднымъ мыслителемъ. И пусть отъ многихъ мыслей Эпикура вѣетъ утопіей. Но кто же станетъ отрицать пользу за утопистами, вѣчно будирующими насъ и открывающими новые горизонты.?

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ

того же автора:

**„Развитіе міросозерцанія
В. Г. Бѣлинскаго“**

(къ столѣтнему юбилею великаго учителя).

Розд.